

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

1973

З. А. Широкова

ТУНИКООБРАЗНЫЕ ПЛАТЬЯ ТАДЖИКОВ ГОРНОГО ТАДЖИКИСТАНА

Материал для данной статьи собирался нами в Дарвазе (горная местность по правому берегу р. Пяндж в принимаемых условно границах между устьями рек Ванча на востоке и Оби-ниоу на западе), в Вахио (долина р. Хингоу), в Каратегине (горная местность по долине р. Сурхоб и ее притокам), в Кулябской группе кишлаков (долины рек Оби-ниоу, Ях-су, Кизыл-су), а также в кишлаках по среднему течению Вахша (Туткаул, Нурек) в Гиссарской долине (долина реки Варзоб и кишлак Каратаг) и в бассейне верхнего Зеравшана до г. Пенджикента включительно. При написании статьи были использованы полевые материалы, собранные в 1952—1968 гг., и музейные коллекции.

Обследованные районы в основном заселяют таджики¹. Территория современного горного Таджикистана в прошлом делилась на две культурные области: Согд — на севере, в бассейне Зеравшана, Тохаристан — на юге, в бассейне верхней Амударьи. Пережитки различий в культурных традициях севера и юга прослеживаются и в наши дни².

Мы ставили перед собой скромную задачу — описать выявленные на обследованной территории формы туникообразных платьев и по мере возможности показать их ареалы и последовательность смены одного вида другим.

В конце XIX — начале XX в. на территории горного Таджикистана были распространены туникообразные платья среднеазиатского типа, называвшиеся *курта*. По основным принципам покроя они одинаковы для всего Таджикистана и для народов Средней Азии в целом. Одно полотно складывается поперек, образуя перед и спину, без шва на плечах; перпендикулярно к нему (без вырезной проймы) пришиваются прямые или суженные к концам рукава. Под мышкой почти всегда вшивается ластовица *кулфак*, чаще в форме небольшого треугольника, реже в форме ромба.

В бока вшиваются боковины — клинья *тирез*, чаще всего имеющие форму вытянутой трапеции с прямым углом, косыми сторонами они пришиваются спереди и сзади к основному полотнищу (рис. 1, 1), а прямые стороны приходятся на бока. При раскрое стараются придерживаться принципа экономии ткани. Прямые рукава кроются из сложенного вдвое поперек полотнища ткани или сшиваются из несколькихточей, если это узкая, кустарная материя. Рукава, суженные к кисти, кроются также из прямоугольного куска материи, сложенного поперек, но его складывают вдвое так, чтобы края ткани сходились посередине (рис. 1, 2, а—б). Затем сложенный материал перегибают по косой линии (рис. 1, 2 в—г) и получают два рукава, с одного конца (у кисти) узкие, а с другого (у основания) широкие.

Боковые клинья также кроют из одного куска материи, сложенного вдвое и разрезанного по косой линии (рис. 1, 3, а—б). Иногда материал

¹ Подробнее см.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 528—530 и карта.

² Там же, стр. 534.

складывают вдвое так же, как и при раскрое сужающихся к кисти рукавов, и тоже разрезают по косой линии. В отличие от рукавов при раскрое клиньев материал всегда складывают вдоль полотнища ткани.

При общем единстве покроя туникообразные женские платья в Таджикистане имели свои локальные отличия.

Платья женщин Дарваза. Самые старые выявленные нами формы платьев туникообразного покроя зарегистрированы в нижних кишлаках Дарваза (Ёгид, Зыгар). Там основное полотнище платья (*кад*) делали узким, шириной в одну тощ кустарной материи,³ т. е. в 28—30 см, — это даже несколько меньше нормальной ширины плеч женщины. При этом делались узкие вверх клинья (10 см), которые сильно расширялись у основания (25—35 см). Это приводило к тому, что платье было облегающим в плечах, прилегающим в талии и расклешенным в подоле (рис. 2, 1; рис. 3). По покрою эти платья приближаются к платьям памирских таджиков; однако они более узкие и короткие (103—110 см длиной), с более короткими рукавами⁴. При появлении фабричных тканей покроем платья и его размеры не изменились, ширина основного полотнища в этом случае составляла половину или даже несколько меньше половины тощи, независимо от узора ткани; остался прежним и размер клиньев. Рукава были очень широкие у основания (30—40 см) и узкие (10—13 см) у кисти. Судя по собранным нами материалам, а также по материалам С. П. Русяйкиной и А. К. Писарчик, раньше рукава были значительно длиннее руки и на расстоянии 20—25 см от конца на них делали поперечные разрезы *чобук*, в которые продевались руки во время домашней работы. С. П. Русяйкина отмечает, что в XIX — на-

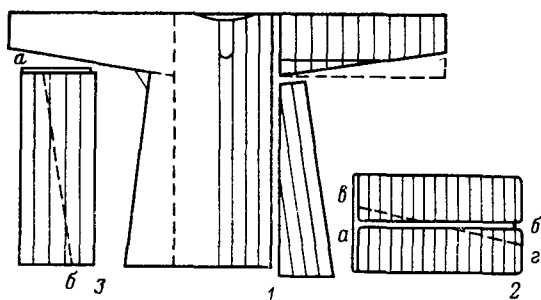

Рис. 1. Покрой туникообразного платья: 1 — общий вид раскроя платья; 2 — раскрой узкого рукава; 3 — раскрой бокового клина платья

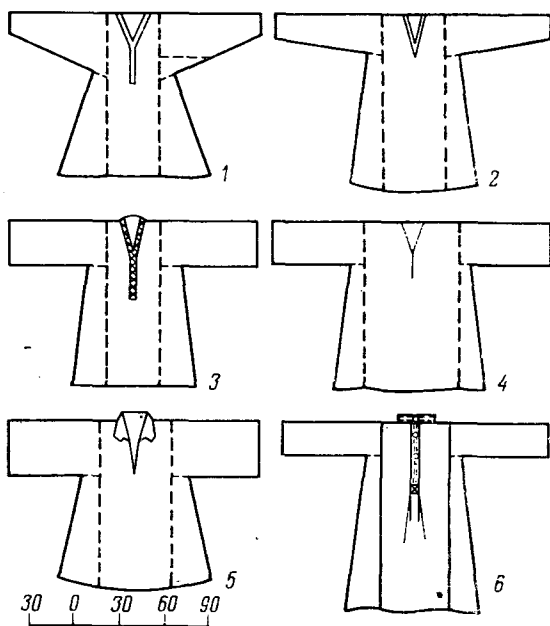

Рис. 2. Виды туникообразных женских платьев: 1 — платье из нижних кишлаков Дарваза (Ёгид, Зыгар); 2 — старинное платье из центральных кишлаков Дарваза (Калаи-Хумб, Умарак); 3 — современное платье из центральных кишлаков Дарваза; 4 — платье из Куляба; 5 — платье из Кара-тегина; 6 — платье из Зеравшана

³ Самая широкая кустарная ткань, встреченная нами, имела ширину 35 см.

⁴ Сообщение Л. Бахтоваршоевой. Для примера приведем данные об измеренном нами платье из Шугнана; оно имело длину 120 см, ширину основного полотнища — 44 см.

чале XX в. бытовали праздничные женские рубахи, на узких рукавах которых на уровне кисти или чуть выше имелись дополнительные поперечные разрезы чобук, украшенные вышивкой⁵, и приводит рисунок одной такой вышивки из фондов МАЭ (№ 954—17), которая обычно уже в готовом виде нашивалась поверх разреза. Позднее в платьях разрезов на рукавах уже не делали, однако вышивка сохранялась, причем на ней разрезы стали изображаться в виде двух окруженных мелким орнаментом параллельных черных полос, сохранивших название «чобук».

Мы зафиксировали длину рукавов примерно 65 см, т. е. до середины ладони.

Женские платья в центральных кишлаках Дарваза (Калаи-Хумб, Умарак) были более широкими, чем в нижних кишлаках, поэтому когда шили из кустарной материи, то сшивали полторы точки: получалось полотнище в 40—43 см. Такой же ширины (иногда несколько уже) его делали и из фабричных тканей. Рукава были не так резко сужены. Если в нижних кишлаках ширина рукавов у кисти составляла примерно 1/3 ширины их основания, то здесь это соотношение приближалось к 1/2. В платьях более позднего времени появились и совершенно прямые рукава — 30 см шириной. Боковые клинья платьев тоже расширялись меньше, чем в нижних кишлаках — 10-13 см вверху и 20-25 см внизу (рис. 2, 2-3; рис. 4).

В верхних кишлаках Дарваза (кишлак Пшихарв) пожилые женщины наряду с широкими платьями носили и более узкие. По сообщению самых старых информаторов, прямые широкие рукава заимствованы из Калаи-Хумба, в старину и здесь носили платья из домотканной хлопчатобумажной ткани полотняного переплетения — *карбос*, с суженными на конце рукавами.

По сведениям, собранным С. П. Русаykiной, до присоединения Дарваза к Бухаре (1877 г.) таджички Дарваза носили рубахи широкие в плече и сильно суженные в талии, с длинными, резко суживающимися книзу рукавами, так что кисть руки едва проходила, т. е. платья того покроя, который мы застали только в нижних кишлаках Дарваза⁶.

Таким образом, можно сказать, что до присоединения к Бухаре по всему Дарвазу бытовали узкие в талии платья с узкими на конце рукавами⁷. Только с появлением в Калаи-Хумбе бухарского бека и его «двора» был заимствован и новый покрой женских платьев — широкий, с широкими и длинными рукавами; поэтому в самом Калаи-Хумбе изменение

⁵ С. П. Русаykiна, Народная одежда таджиков Гармской области, «Среднеазиатский этнографический сборник», т. II. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 47, 1959, стр. 186 и рис. 16; ср. памирское *куроб*, см.: Н. Н. Ершов, З. А. Широкова, Альбом одежды таджиков, Душанбе, 1969, табл. 35 и 41 и объяснения к таблицам. Интересно, что такие же разрезы в старину встречались и на рукавах женских рубах-долгорукавок у русских (см.: Н. П. Гринкова, Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике, «Сов. этнография», 1935, № 1, стр. 75), а также у татар; (см.: Н. П. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953, стр. 242). Аналогичные разрезы отмечены и на рукавах верхней одежды. Встречаются они и на женских халатах памирских таджиков. См. главу, написанную А. К. Писарчик, в кн.: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1958, стр. 410; Н. Н. Ершов, З. А. Широкова, Указ. раб., табл. 34 и 45. Продольные прорезы делали на рукавах старинных мужских халатов казахов. В прорезы продевали руку, когда надо было ее освободить, так как концы рукавов были узкие и их трудно было засучить. См.: И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Казахская национальная одежда. XIX—начало XX в., Алма-Ата, 1941, стр. 47.

⁶ С. П. Русаykiна, Национальная одежда и орнамент таджиков Гармской области, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1949, VI, стр. 32; ее же. Народная одежда таджиков Гармской области, стр. 187.

⁷ Платья с узкими внизу рукавами бытовали не только в горных районах, но и на равнине. По сообщению А. К. Писарчик, в Нурате в первой половине XIX в. концы рукавов женских платьев были такими узкими, что через них с трудом проходила рука. Материалы, любезно сообщенные нам Е. М. Пешеревой, свидетельствуют о том, что в Бухаре в старину рукава тоже были узкие у кисти, а бытовавшие там в первой четверти XX в. широкие рукава — явление вторичное.

фасона женских платьев произошло значительно раньше, чем в прочих кишлаках Дарваза.

Платья женщин Куляба. Покрой женских платьев в Кулябе в конце XIX — начале XX в. уже находился под значительным влиянием бухарской моды⁸. После присоединения Куляба к Бухарскому ханству (1870 г.) и появления там бухарских чиновников местные женщины восприняли этот покрой от бухарских женщин как более модный. В Кулябе основное полотнище состояло из двух точек кустарных тканей, что составляло примерно 60 см или даже несколько больше, т. е. оно значительно превышало ширину плеч женщины. Длина рукавов равнялась ширине стана и выкраивалась из двух точек кустарных тканей (положенных поперек). В большинстве измеренных нами платьев рукава были сравнительно широкими (25—30 см). При этом разница между шириной рукавов у стана и у кисти составляла всего 1—2 см (рис. 2, 4; рис. 5). Однако есть основания считать этот фасон более поздним. Встречаются платья, датированные концом прошлого века, где разница была больше, — 5 см⁹.

В 1925 г. М. С. Андреевым в долине р. Яхсу (кишлак Питауди) наряду с платьями, имеющими широкие прямые рукава — 25—30 см, было приобретено одно платье из карбоса с рукавами, широкими (38 см) у стана и скошенными к кисти (26 см)¹⁰, а в кишлаке Сибкопа были куплены концы рукавов, на которых, как и на дарвазских вышивках, нашиваемых на рукава, были вышиты две черные полосы, имитирующие разрезы. Однако очень узкие рукава (шириной менее 15 см), какие встречались в Дарвазе, в Кулябе зафиксированы не были.

В нарядных кулябских платьях конца XIX — первой половины XX в. наблюдается еще большее увеличение ширины основного полотнища и длины рукавов, т. е. еще большее приближение к бухарской моде.

⁸ Ш. Юсупов, Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX века, Душанбе, 1964, стр. 32.

⁹ Фонды Ин-та истории АН ТаджССР, КП 9—86.

¹⁰ Музей искусств в Ташкенте, № 14—164.

Рис. 3. Женский костюм из нижних кишлаков Дарваза

Рис. 4. Костюм женщины из центральных кишлаков Дарваза

Рис. 5. Костюм женщины из Куляба

Рис. 6. Костюм женщины из Каратегина

Боковые клинья в большинстве измеренных нами платьев расширялись книзу примерно в два раза (10—12 см вверху и 18—27 см внизу), и лишь в одном платье ширина боковых клиньев вверху и внизу была почти одинаковой — 13 и 13,5 см¹¹.

Платья женщин Каратегина. В Каратегине, по нашим источникам (сообщения информаторов и найденные нами платья, сшитые из фабричных тканей в 30-х годах; более ранних нам разыскать не удалось), так же как в Дарвазе и Кулябе, до 20-х годов XX в. ощущалось влияние бухарской моды. Все измеренные нами платья по покрою приближаются к бухарскому, но не так широки, как в Кулябе. Ширина основного полотнища достигала 45—55 см, т. е. зачастую была меньше ширины полотнища фабричной материи. Платья, сшитые позже, в 50-е годы, делали обычно также умеренно широкими. Однако, как в старину, так и в последние десятилетия, парадные, свадебные платья были иногда очень широкими: в полную точь фабричной материи (до 65 см).

Длина рукавов чаще была равна одной точи фабричной материи (60—65 см)¹². Рукава прямые, очень широкие (шире, чем во всех остальных районах) — 30—35 см. В нарядных платьях ширина рукава была больше 40 см (рис. 2, 5; рис. 6).

Боковые клинья, как и в платьях кулябских таджичек, расширялись примерно в два раза — от 10—13 см вверху до 21—24 см внизу.

По длине каратегинские платья доходили примерно до середины икры. По сведениям по-

¹¹ Фонды Ин-та истории АН ТаджССР, КП 9—364.

¹² В некоторых горных районах (Куляб, Каратегин, Дарваз и Гиссар) иногда носили несколько платьев, надевая их одно на другое. Нижнее обычно бывало белым, верхние — цветными. Чтобы концы рукавов нижнего платья (особенно вышитые) были видны, рукава верхних делались иногда короче нижних — длиной 55—58 см.

жилых женщин, в старину их делали несколько длиннее, но очень длинных платьев (за исключением свадебных) в Каратегине мы не зафиксировали. Однако так как платья были очень широкими, они обычно отвисали по бокам, поэтому создавалось ложное впечатление о длине самих платьев.

С. П. Русаякина отмечала, что еще в XIX в. в Каратегине бытовали женские платья дарвазского покроя. Чаще всего так кроились свадебные рубахи для невест¹³.

В Таджикабаде в 1957 г. пожилые женщины осуждали очень широкие рукава на платьях молодых, потому что поднятая рука в таком рукаве сразу же обнажается¹⁴. По-видимому, когда эти женщины были молодыми, рукава их платьев также были умеренной ширины.

С каратегинскими и кулябскими платьями схожи платья женщин Каратага и Варзоба.

М. С. Андреев писал в 1927 г. относительно костюма женщин Варзоба: «Рубаха носится ими очень широкая и довольно короткая, на четверть только ниже колена»¹⁵.

В Каратаге парадные туникообразные платья иногда кроили так же, как и бухарские платья позднего времени, без боковых клиньев. Такой покрой возможен при очень широких тканях (кустарные шелковые материи в таком случае сшивали в две точки). Сложив материал поперек вдвое и отмерив сверху ширину рукава, под ним вырезали клинообразный кусок ткани, сходящий к подолу на нет. Таким образом получался расширяющийся книзу стан платья и часть рукава, который затем надставляли до нужной длины¹⁶.

Платье женщин верховьев Зеравшана. Здесь мы располагали в основном платьями 20-х годов нашего века, сшитыми из фабричных материй или кустарных тканей, и лишь в одном из центральных кишлаков верховьев Зеравшана — Зосун нам удалось приобрести старинное платье, относящееся примерно к началу XX в.¹⁷

Все эти платья сделаны умеренно широкими — 45—50 см, обычно меньше точки фабричной ткани. Рукава длиной в одну полную точку фабричной материи были на четверть длиннее руки (от 60 до 75 см). Ширина рукавов, одинаковая по всей длине, меньше, чем в каратегинских и кулябских платьях позднего времени. Чаще всего она равняется одной четверти, т. е. 20 см с небольшим (рис. 2, 6; рис. 7). По сведениям пожилых женщин, раньше шириной рукавов была еще меньше. Во время нашего обследования в Матче и некоторых боковых долинах верховьев Зерав-

Рис. 7. Платье женщины из Зеравшана (обычно женщины носят головные платки)

¹³ С. П. Русаякина, Народная одежда таджиков Гармской области, стр. 187.

¹⁴ Записано А. К. Писарчик.

¹⁵ М. С. Андреев, Краткий отчет о работе этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г., в кн. «По Таджикистану», вып. I, Ташкент, 1927, стр. 23.

¹⁶ См.: Н. Н. Ершов; З. А. Широкова, Указ. раб., табл. 41.

¹⁷ Фонды Ин-та истории АН Тадж. ССР, КП 338—1.

шана были встречены у пожилых женщин платья с суживающимися на конце рукавами. Два из них нами приобретены. Платье из кишлака Рог (Матча) имеет рукава шириной 30 см у стана и 22 см на конце, а платье из Магнана — рукава шириной 32 см у стана и 24 см на конце¹⁸. Кроме того, в фондах МАЭ (Ленинград) имеются три женских платья из кустарной хлопчатобумажной материи (два из Искандеркульской волости и одно из Матчи)¹⁹, приобретенных экспедицией АН СССР в 20-е годы. Платья имеют суженные к кисти рукава (26—30 см у стана и 15 см у кисти). Все это позволяет предположить, что рукава старинных платьев таджиков верховьев Зеравшана, так же как памирских, дарвазских и кулябских таджиков, суживались к кисти.

Женские платья, приобретенные в 20-е годы и хранящиеся в фондах МАЭ, по длине приближаются к дарвазским (109—114 см). В верховьях Зеравшана в период, когда проводилось наше обследование, платья были длинными, почти до шиколотки. Длина платьев для женщин среднего роста составляла 120—130 см, для высоких — 135—140 см.

Боковые клинья расширялись книзу примерно в два раза, иногда даже несколько больше: от 9—11 см сверху до 22—24 см внизу.

Итак, более поздние по времени платья женщин верховьев Зеравшана, за исключением платьев для пожилых, встреченные нами в некоторых отдаленных кишлаках, повсюду были сравнительно узкими, с умеренно широкими рукавами, ровными по всей длине. Они заметно отличались от более широких и более коротких платьев Куляба и Каратегина.

Местный покрой сложился под иным влиянием, чем покрой женских платьев Куляба, Каратегина, Каратага и Варзоба. Основными городами, с которыми поддерживалась торговая связь кишлаков в верховьях Зеравшана, были Ходжент (Ленинабад) и Ура-Тюбе, где женщины носили неширокие платья, а также Самарканд, где женские платья также были уже, чем в Бухаре.

Виды воротов. Платья туникообразного покроя отличались и отличаются друг от друга главным образом покроем ворота или его отделкой. Название платья может определяться материалом, из которого оно сшито (*куртаи шохи* — шелковое платье, *куртаи алвон* — платье из кумача) или какой-нибудь характерной деталью, например, вышивкой — *куртаи гулдузи* (*гулдузи* — вышивка), но чаще всего название определяется все же по типу ворота.

В конце XIX — начале XX в. туникообразные платья в горном и равнинном Таджикистане имели два типа ворота: 1) в виде вертикального разреза на груди, без пришивного воротника, и 2) в виде горизонтального разреза по плечам. Платья с воротом первого типа назывались *куртаи пешкушо* (от *пеш* — перед и *кушо* — основа настоящего времени глагола *кушодан* — открывать, т. е. платье, открытое спереди); *куртаи пешак*, *куртаи пешчокак* (*чок* — разрез, т. е. платье с разрезом спереди); *якчока* (*як* — один, *чок* — разрез); *куртаи камарча*, *куртаи куба* (*камарча* — букв. завязка, застежка), т. е. платье с завязывающимся воротом; *куба-кант*, т. е. платье с воротом, отделанным кантом). Платья с воротом в виде горизонтального разреза назывались *куртаи китифак*, *куртаи китфак* (от *китф* — плечо); *куртаи тавк* (*тавк* — ожерелье); *куртаи муллои*, *куртаи муллоча* (от *мулло* — мулла), так как с таким воротом шили всегда рубашки для мулл.

Платья с вертикальным разрезом на груди раньше всегда носили замужние женщины, имеющие детей, с горизонтальным разрезом — девушки и молодые женщины в первые годы замужества. Для кормления детей распарывали немного боковые швы стана или делали по бокам разрезы, которые обшивались по краю цветным кантом или тесьмой.

¹⁸ Фонды Ин-та истории АН Тадж.ССР, КП 338—105 и КП 404—23.

¹⁹ Фонды МАЭ (Ленинград), № 3633—240, 3633—241, 3339—253.

О существовании указанных различий в воротах девичьих и женских платьев в Каратегине и Дарвазе сообщил в 1903 г. А. А. Семенов²⁰. В 20-х годах девичьи рубашки с горизонтальным воротом были зафиксированы в долине р. Сурхоб Е. М. Пещеревой²¹. По Варзобу эти же сведения приводит в 1927 г. М. С. Андреев²². Резкую грань, соблюдавшуюся между девичьим и женским костюмом в старину в Кулябе, отмечает А. К. Писарчик²³.

С конца прошлого века картина начала существенно меняться. Обязательное различие между женским и девичьим костюмом стало постепенно стираться, хотя может быть несколько медленнее, чем это происходило в равнинном Таджикистане²⁴, и неравномерно по разным кишлакам. Материалы, собранные А. К. Писарчик в Кулябе в 1948 г., свидетельствуют о стирании резких граней между девичьими и женскими костюмами уже как об одной из характерных черт современного женского кулябского костюма²⁵. То же явление наблюдала С. П. Русяйкина в Каратегине и Дарвазе в 1946—1947 гг.²⁶.

Во время нашего обследования платья с горизонтальным воротом сохранились лишь в нижних кишлаках Дарваза, как, например, в Зыгаре. В 1956 г. А. К. Писарчик видела здесь платья китифак как на девушках, так и на пожилых женщинах.

В 1954—1956 гг. в кишлаке Зыгар сохранялись девичьи и женские платья из кустарных хлопчатобумажных тканей с вышитыми нагрудниками. Нагрудники со сплошной вышивкой предназначались только для девичьих платьев, а вышитые двумя полосами *пешак* — для женских. Лет 70—100 назад, по словам женщин, такие украшения бытовали значительно шире. В 1898 г. А. А. Бобринским в долинах рек Хингоу, Ванч и Пяндж была приобретена целая коллекция вышитых девичьих и женских нагрудников²⁷. В 1954 г. нами был приобретен в кишлаке Умарак (близ Калаи-Хумба) девичий нагрудник, вышитый, по определению наших информаторов, около 35 лет назад (примерно в 1920 г.); следовательно, в это же время, видимо, бытовали и соответствующие платья с воротом китифак. Образцы платьев с воротом китифак были приобретены нами в Кулябе, Каратегине, Зеравшане и Ягнобе. Повсюду это уже были отдельные экземпляры. Платья китифак зафиксированы нами также и на пожилых женщинах в кишлаках Куглик (Средний Каратегин) и Чилдара (бассейн р. Хингоу), однако нам не удалось собрать здесь сколько-нибудь подробных сведений о них. Как видим, горизонтальный ворот исчезает из костюма девушек; однако он продолжает повсеместно сохраняться в детской одежде.

Туникообразные платья с воротом в виде вертикального разреза на груди (*пешчокак*) встречаются до сих пор в Кулябе, Каратегине, Дарвазе, Каратаге, но их функция изменилась. Носят их в качестве верхнего платья не только пожилые, но иногда и молодые женщины, в Кулябе, Каратегине и Дарвазе — даже девушки. Таким образом, мы

²⁰ А. А. Семенов, Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина, и Дарваза, М., 1903, стр. 30.

²¹ Е. М. Пещерева, Домашняя и семейная жизнь. в кн. «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 24, М.—Л., 1954, стр. 54—56.

²² М. С. Андреев, Краткий отчет о работе этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г., стр. 23.

²³ А. К. Писарчик, Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г., «Изв. Таджикского филиала АН СССР», № 15, Сталинабад, 1949, стр. 92.

²⁴ Е. М. Пещерева, Указ. раб., стр. 141.

²⁵ А. К. Писарчик, Кулябская этнографическая экспедиция, стр. 92.

²⁶ С. П. Русяйкина, Народная одежда таджиков Гармской области, стр. 182.

²⁷ Экспонаты, приобретенные А. А. Бобринским, хранятся в ГМЭ (Ленинград); из этой коллекции четыре вышитых нагрудника для девичьих рубах описаны С. П. Русяйкиной (см.: С. П. Русяйкина, Народная одежда таджиков Гармской области, стр. 18).

Видим здесь уже полное исчезновение возрастных различий в одежде. В качестве нижнего такие платья сохраняются преимущественно у пожилых женщин. В верховьях Зеравшана, как и на севере Таджикистана, платья с таким воротом наблюдаются лишь в костюме пожилых женщин и в обрядовой, преимущественно траурной, одежде.

Туникообразные платья со стоячим воротником. Сравнительно более заметные изменения в туникообразных платьях наметились к концу XIX — началу XX в., когда появились платья со стоячим воротником. Эти изменения коснулись жителей не только горного, но и равнинного Таджикистана, как и всего оседлого равнинного населения Средней Азии. Большинство исследователей связывает появление туникообразной рубахи со стоячим воротником с татарским или русским влиянием²⁸. В районах горного Таджикистана распространение туникообразных платьев со стоячим воротником шло крайне неравномерно. В Дарвазе, Каратегине, Кулябе, Каратаге платья со стоячим воротником бытовали, но очень недолго. Наиболее характерны такие платья для дарвазского кишлака Егид и верхних кишлаков Каратегина — Нушор, Пильдони миёна. В верхних же дарвазских кишлаках Курговад и Пшихарв их не удалось обнаружить. В Туткауле (Куляб) около 30—35 лет назад платья со стоячим воротником были заимствованы из Дангары, однако очень быстро вышли из моды. О платьях со стоячим воротом упоминали женщины старшего поколения в Каратаге — здесь шили с таким воротом нижние платья. Среднее поколение его уже не знало. В долине р. Варзоб платья со стоячим воротником не были отмечены вовсе.

В верховьях Зеравшана платья со стоячим воротником первоначально были принадлежностью костюма молодых женщин. Сейчас, пожалуй, это один из самых распространенных фасонов в кишлаках Зеравшана. В более отдаленных кишлаках такие платья носят все, от девочек до пожилых женщин; в кишлаках же центральных районов и поселках городского типа это одежда пожилых. В платьях старых женщин сохраняется и традиционный тип вертикального разреза ворота. В некоторых центральных кишлаках (особенно близ Пенджикента) часто можно встретить старых женщин (70 лет), которые никогда платьев со стоячим воротником не носили. В детстве и молодости (до замужества) они носили платья с горизонтальным воротом, после свадьбы — с вертикальным, а потом, когда стали входить в моду платья со стоячим воротником, им по возрасту было уже неудобно переходить к новым модным фасонам.

Неравномерность распространения платьев с высоким воротником в горном Таджикистане, возможно, связана с различными культурными влияниями на разные регионы. Если на севере (Зеравшан) было сильнее русское и татарское влияние, то в центральном и нижнем Дарвазе, верхнем Каратегине, возможно, существовали и свои местные культурные связи. Называется стоячий воротник в разных кишлаках по-разному: *казоки* — Дарваз, Нурек; *гарани* — Дарваз; *куйлак* (узбекск. рубашка) — Каратегин, Зеравшан; *буга* (от *буг кардан* — букв. душить) — Зеравшан, кишлаки Рашнаи поен, Зосун; *иттико* (испорченное узбекское *итяка* — собачий ворот) — Зеравшан, кишлак Пастигав; *ёка*, *ёканок*, *яко* (во-

²⁸ Е. М. Пешерева отмечает, что в Ленинабадской обл. (кишл. Кыстакоз) платья со стоячим воротником появились во второй половине XIX в., после прихода в край русских (см. ее работу «Домашняя и семейная жизнь», стр. 141); у оседлых узбеков, в б. Туркестанском крае (сначала в городах, а потом и в селениях) стоячий воротник стал входить в моду к концу XIX — началу XX в. Он был известен под названием татарского — *нугай ёка*. После присоединения Киргизии к России, к концу XIX — началу XX в., изменился покрой женского платья-рубахи: его начали шить со стоячим воротником (см. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, М., 1963, стр. 249—250). Однако проникновение платьев со стоячим воротником на юг Киргизии к концу XIX в. К. И. Антипина связывает с влиянием населения восточного Туркестана (уйгуров Кашгара), см.: К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962, стр. 240—241.

рот) — Зеравшан; *ёлки* (загрибок?) — Зеравшан, кишлак Рог; *гирди гулу* (*гирд* — круг, окружность, *гулу* — горло, глотка).

Платья со стоячим воротником с оборкой. Разновидностью платьев со стоячим воротником являются платья со стоячим воротником, отороченным плссированной оборкой *пар-пар* и называемые соответственно *казокиш пар-пар*. Такой воротник преимущественно делали на нижнем платье.

Раньше всего платья такого фасона появились в крупных центральных кишлаках. Так, в Варзобе в costume молодых женщин они были известны уже в 20-е годы²⁹. Распространение нового фасона в Каратегине, Кулябе, долине Варзоба шло, по-видимому, под влиянием Бухары.

Во время нашего обследования такие платья были особенно распространены в нижних кишлаках Варзоба, Кулябе (Туткаульская группа кишлаков), средних и нижних кишлаках Каратегина, в нижних и центральных кишлаках Дарваза — Калаи-Хумбе, Умараке. Выше Калаи-Хумба по Пянджу, например, в кишлаке Курговад, их носили очень мало, а в кишлаке Пшихарв, в самом верхнем из обследованных экспедицией в 1954 г., ученые не зафиксировали их вовсе. В некоторых кишлаках, как например, Зидды (верхний Варзоб), их начали шить только в начале 60-х гг., когда в нижних кишлаках мода на них начала уже проходить.

Для верховьев Зеравшана платья со стоячим воротником, отделаным оборкой пар-пар, не были характерны, но наши информаторы отмечали, что в старину их шили в Пенджикенте, кишлаках близ Пенджикента и некоторых других крупных центральных кишлаках Зеравшана.

Все сказанное выше позволяет сделать следующие выводы.

1. В конце XIX — начале XX в. на территории горного Таджикистана носили женские платья туникообразного покроя, который, однако, имел различные локальные модификации. Прежде всего в совершенно особую группу выделяется дарвазский тип платья: с узким основным полотнищем, прилегающее в талии и расклешенное внизу, сравнительно короткое, с длинными, резко суживающимися от основания к концу рукавами, с поперечным разрезом ниже локтя. По покрою он сходен с платьями памирских таджиков. Это, по нашим данным, самый старый по времени покррой, который был распространен по всему горному Таджикистану, очевидно, в первой половине XIX в. и имел, конечно, свои локальные особенности по районам. Наличие сходных черт в платьях равнинных таджиков сел. Нур-Ата, а также г. Бухары³⁰ позволяет предполагать, что в старину покррой этот был, вероятно, распространен среди таджиков не только в горном Таджикистане, хотя сейчас его бывшие ареалы скольконибудь точно установить трудно.

Широкие в стане платья, с широкими, прямыми, ровными по всей длине рукавами на всей обследованной нами территории — явление более позднее. В Каратегине, Дарвазе и Кулябе этот покррой появился после присоединения к Бухаре, под влиянием покроя бухарских платьев. Время появления его в Зеравшане неясно. Здесь мода складывалась в основном под влиянием Ура-Тюбе и Самарканда. Судя по нашим материалам, платья нового вида с прямыми, хотя и менее широкими, чем в Бухаре, рукавами в центральных кишлаках Зеравшана бытовали уже в начале XX в. В более отдаленных кишлаках узкий рукав делали еще кое-где в 20-е годы, а в costume пожилых он сохранялся до наших дней.

Новый покррой в каждом из рассмотренных нами районов имел свои характерные местные особенности. Кулябские платья отличаются

²⁹ М. С. Андреев, Краткий отчет о работе этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. (рис. 17, между стр. 24 и 25).

³⁰ В имеющихся сведениях о платьях этого покроя в Нурате и Бухаре нет упоминания о поперечном разрезе ниже локтя.

наиболее широким основным полотнищем (около 60 см), и рукавами по длине равными ширине стана, шириной от 24 до 34 см. Каратегинские платья имеют более узкое основное полотнище, чем кулябские; рукава такой же длины, что и кулябские (около 60 см), но более широкие — от 30 до 41 см. Платья этих районов делали несколько длиннее дарвазских, обычно до середины голени. Женские платья верховьев Зеравшана, умеренные по ширине основного полотнища и ширине рукавов, всегда были очень длинными, доходившими почти до щиколотки.

2. Ширина ткани никогда существенно не влияла на покрой. Основное полотнище туникообразных платьев кроили как из полных, так и неполных точек кустарных и фабричных тканей, не обращая внимания на рапорт рисунка. Учитывать при раскрое узор ткани стали в основном только в последнее время.

3. Платья туникообразного покроя, помимо ширины основного полотнища и рукавов, отличались друг от друга формой ворота, причем первоначально существовала связь формы ворота с возрастными группами.

Более заметные изменения в национальном женском костюме наметились после присоединения Средней Азии к России благодаря расширению и развитию рыночных связей, усилению контактов с другими народами. В туникообразных платьях эти изменения коснулись в основном ворота, смена форм которого происходила неравномерно в разных районах.

В целом по всем признакам выделялись два культурных комплекса: каратегино-дарвазско-кулябский и зеравшанский; здесь, видимо, сказались различия культурных традиций южного и северного Таджикистана в прошлом.

Во время нашего обследования большинство женщин носило туникообразные платья, сохраняя в основном все прежние пропорции. Между тем среди молодежи намечалась совершенно определенная тенденция — делать их короче и уже и заменить их платьями другого покроя — на кокетке, с рукавом с вырезной проймой.

З.А. Широкова

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА ТАДЖИКОВ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ОБРЯДЫ

Рождение ребенка в таджикской семье всегда ожидалось с радостью, но в то же время и с тревогой за жизнь матери и ребенка.

Детская одежда, особенно в первые сорок дней после рождения ребенка (*чилла*)¹, как в южных, так и в северных районах Таджикистана помимо своего непосредственного назначения выполняла роль оберега. Это обстоятельство учитывалось как при выборе материала, из которого она шилась (и одежда пожилых родственников) и техники шитья (швы делали наружу – от сглаза), так и при выборе украшений (различные амулеты). Изготовление одежды сопровождалось определенными обрядами.

До тех пор, пока не отпадет пуповина, новорожденного обычно не одевали, а заворачивали в мягкую ткань, ею могли быть платье или платок матери, рубашка отца и даже бабки или деда. Стремление завернуть ребенка в одежду пожилых родственников и тем самым «передать» ему долгую жизнь наблюдалось не только у таджиков, но и у других народов Средней Азии. В центральных районах Таджикистана (Каратаг) в этот период ребенку иногда надевали «рубашку», представлявшую собой согнутый поперек кусок ткани с горизонтальным разрезом для головы. Эта рубашка, не сшитая по бокам, покров которой напоминал саван, называлась *куртаи охират* («саван»). Такое название ей было дано, вероятно, для того, чтобы выдавать новорожденного ребенка за умершего, обмануть злые силы и таким образом сохранить ему жизнь.

Все следующие рубашки уже шили. Первую из них называли «собачья рубашка». На наш взгляд, наиболее полное объяснение этому обычаю, широко распространенному среди народов Средней Азии, дал Г.П. Снесарев, связывавший его с тотемистическими представлениями, при которых в качестве тотемного животного выступает собака. Культовое значение собаки, первого животного, прирученного человеком, как писал он, явление стадийного порядка, присущего многим народам².

Во время нашего обследования в 1970-е годы название «собачья рубашка» помнили уже только пожилые люди, молодые же первую рубашку чаще называли «рубашка сорокодневия». Она была либо цельнокроеной, либо, как у взрослых, с вшивными рукавами и боковыми клиньями. Шили ее всегда из светлой ткани. Ткань брали размером в один обхват головы; из такого отреза должны были получиться две длины – перед и спина. Иногда материал отмеряли пядью (расстояние между концами растянутых большого и указательного пальцев). (Ткань для рубах взрослых мерили четвертями.) По одним сведениям, так измеряли обычно ткань для первых рубашек, по другим – для всех детских рубашек до года. Ворот делали чаще всего в виде горизонтального разреза, иногда – вертикального. Ткань по краям подгибали и подшивали, ничего не срезая. Если же какие-то кусочки ткани срезались, то лоскутки не выбрасывались, а пришивались на грудь или спинку рубашки. Выбрасывать что-либо, оставшееся при раскрое, было нельзя. Иногда, чтобы не повредить благополучию ребенка, ворот, подол и рукава не подшивали. Если имелся ворот в виде вертикального разреза, то на обеих сторонах его (посередине) делали по дырочке, в которые с изнанки продевали шнурок-завязку, скрученный из черных и белых ниток. Оба конца его протягивали через черную с полосками бусину. Подтягивая ее вверх, скрепляли ворот.

Надевала первую рубашку на ребенка или многодетная пожилая женщина, или представительница счастливой обеспеченной семьи, которые после традиционной мусульманской формулы «Во имя Бога милостивого и милосердного» желали ему здоровья и долгих лет жизни.

Прежде чем надеть рубашку на ребенка, через нее протягивали железный предмет

или камень, чтобы ребенок был крепким как камень или железо. Иногда ее сначала надевали на деревянный или металлический кол для привязывания животных, накидывали на морду собаки, чтобы ребенок, подобно ей, быстро рос и был вынослив, или же набрасывали три раза на веник. Последнее преследовало две цели: уберечь ребенка от всяческих напастей (поскольку веник выметает все нечистое, то следовательно, он преграждает дорогу духам, которые могут вредить ребенку) и гарантировать ему долгую жизнь (предполагалось, что ребенок должен прожить столько, сколько прутьев в венике).

По истечении сорока дней первую рубашку обязательно снимали: считалось, что если снять ее позднее, она не только перестанет быть оберегом, но даже может принести вред. Если с ребенком было все благополучно, то эту рубашку хранили до рождения следующего ребенка. Если же она изнашивалась, то ее куда-нибудь прятали (или зашивали в подушку), но ни в коем случае никому не отдавали и не выбрасывали. В случае болезни ребенка его в дни полнолуния несли на мазар, где с него снимали рубашку, которую там и оставляли. Иногда относили только рубашку, – это делала обязательно пожилая женщина. Кроме того, на мазаре оставляли и кусок белой ткани или ваты – для обеспечения благополучия ребенка.

Если дети в доме умирали, то первые рубашки для последующих детей шили либо из ткани, выпрошенной в благополучной многодетной семье, либо из семи лоскутков, взятых в семи многодетных семьях. Назывались они «выпрошенная рубашка». Считалось, что следует добавить к ней кусочки материи, раздававшиеся на похоронах пожилого человека, а также лоскутки ткани *пойандоз*, которую в знак уважения стелили кому-либо под ноги: невесте, жениху, а также человеку, долго находившемуся вдали от дома (в армии, на учебе) и благополучно возвратившемуся домой или приехавшему на побывку.

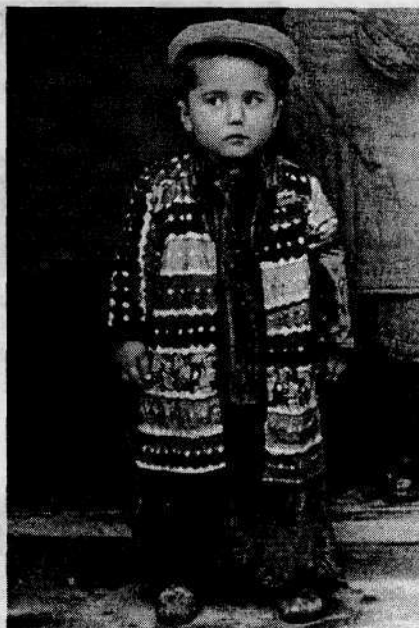
Последующие рубашки мальчиков и девочек имели один покрой (туникообразный), чаще всего горизонтальный разрез ворота и одинаковую длину. Постепенно одежда детей по составу и покрою начинала все больше приближаться к одежде взрослых.

Обязательно принадлежностью детского костюма мальчиков и девочек были соответственно длинные штаны и шаровары. Раньше штаны на мальчиков надевали сравнительно поздно, и иногда 7–8-летний мальчик носил только длинную рубаху и халат (рис. 1). Сейчас их шьют даже малышам (обычно до года), но в этом случае – без вставки в шагу, открытыми. Когда же ребенок немного подрастет, ему начинают шить штаны того же покроя, что и у взрослых. Девочки в южных районах носят шаровары длиной до щиколотки, в северных – короче, до середины икры; внизу штанины обшивают тесьмой или отделявают вышивкой. У мальчиков штаны короче и шире, они прикрывают только икры.

Верхней одеждой мальчиков и девочек был и остается стеганый легкий халат. Халаты начинают носить очень рано. Если первый халат шили во время чилла, то его по аналогии с первой рубашкой иногда называли «собачий халат». Но носили первый халат до тех пор, пока он не становился мал. Если в доме умирали дети, то первый халат, как и первую рубашку, шили из лоскутков, выпрошенных в семи семьях.

Не менее интересными были и детские головные уборы. Как только ребенок начинал держать головку, на него надевали легкую тюбетейку или шапочку в виде капора, украшенную вырезанными из разноцветной материи лоскутками в виде треугольников и кружков, являющихся оберегами. Для детей постарше шили тюбетейки из разноцветных лоскутов. Помимо того, что сшитые из лоскутов тюбетейки, уже сами по себе служили оберегом, к ним еще прикреплялось множество амулетов. Для детей изготавливали и вышитые тюбетейки. Вышивка не только украшала тюбетейки, но и служила оберегом. Наряду с различными орнаментами на них встречалось изображение змеи. Помимо тюбетеек ее могли вышить и на спине детского халата или рубашки. Иногда вместо вышивки к детской одежде прикрепляли изображение змеи, выполненное из ткани или изготовленное в виде металлической брошки. Как известно, в древности почитание змеи было распространено очень широко.

Рис. 1. Мальчик в халате из белой ткани с нашитыми поверх разноцветными полосками, в которых вырезаны круглые дырочки от сглаза. Пенджикент. 1980-е годы

К тибетейкам мальчиков и девочек пришивали искусственные косички с бисерными подвесками на концах. Косички украшали белыми перламутровыми пуговицами. К тибетейкам девочек иногда прикрепляли серьги.

На детскую одежду обязательно нашивались украшения-амулеты. Это могли быть зашитая в треугольники из красивой ткани вата, душистая мята, подвески из дерева туг, черные бусины с белыми глазками, бусины из сердолика, подвески из когтей медведя, барса или волка, зубов волка, зубов и костей змеи, раковин каури, т. е. набор предметов, которые, по народным представлениям, способствовали благополучию ребенка. Говоря об украшениях, следует отметить, что девочкам очень рано прокалывали уши. Сначала в отверстие продевали нитку или волос собаки (полагали, что уши тогда заживут быстрее), которые впоследствии заменяли серьгами. Иногда в отверстие вставляли стержни, сделанные из семян дыни, или лапки священного черного навозного жука-скарabeя; и то, и другое символизировало плодородие. Кроме того, жука считали могущественным оберегом от злых сил и болезней. В некоторых случаях в проделанное отверстие вставляли зажженную заостренную палочку или туго скрученные и подожженные фитильки из ваты.

Излюбленным украшением маленьких детей были браслеты из серебряных или разноцветных бусин, почти каждая из которых служила оберегом (черная с белыми пятнышками – от сглаза, желтая – от желтухи, голубая – от коклюша и т.п.). Для усиления охранных функций в браслете обязательно должна быть хотя бы одна старинная бусина. «Действовать» такие браслеты начинали лишь после того, как мулла прочитывал над ними молитву и надевал их на ручки и ножки младенцам. С возрастом украшения носили только девочки, и были они такими же, как и у взрослых.

На всей территории Таджикистана до сих пор сохраняются некоторые обычаи и обряды, связанные со стрижкой волос у детей. Впервые мальчиков и девочек стригли по достижении ими года. Если стрижка волос у девочки происходила скромно, то стрижка волос у мальчика (особенно в южных районах) сопровождалась небольшим празднеством. Если же дети в семье умирали, а потом рождалась девочка, то и ее стрижка сопровождалась аналогичным обрядом. Для стрижки мальчика приглашался мулла или почтенный старик. Они и начинали стричь волосы, заканчивала же стрижку обычно мать ребенка. Девочкам стричь волосы иногда также начинал мулла, но чаще это делала многодетная почтенная пожилая женщина. Чтобы у матери были еще дети, волосы с головы ребенка состригали не все, оставляя на затылке небольшую прядь. Впервые срезанные волосы зашивали в амулет (*тумор*) и клали в колыбель, а при последующих стрижках все волосы бросали в реку, зарывали под виноградной лозой, вечнозеленым деревом или прятали в какое-нибудь укромное место, например, в щели стен дома.

Волосы не состригали полностью и тогда, когда в семье умирали дети. В этом случае мальчикам, а изредка и девочкам на затылке оставляли прядь волос для кошечки и в присутствии стариков и муллы давали обет – устроить жертвенное уго-

Рис. 2. Костюм и прическа девочки. Кишлак Зидды. 1980-е годы

Рис. 3. Костюм мальчика. Кишлак Камчин (Варзоб). 1980-е годы

щение, если ребенок не умрет. Подобная косичка называлась *кокули назри* (букв. «косичка, обещанная по обету в жертву»). Такой ребенок считался должником Бога³. Обычно обет давался тому мазару, к которому обращались с целью «вымолить» ре-

бенка, на этом же мазаре и устраивали жертвенное угощение. Иногда это делали дома, имитируя место действия (мазар), для чего отходили от дома на семь шагов: долг перед Богом считался выполненным. В очень богатых семьях (центральные районы Таджикистана) мальчикам и девочкам оставляли до одиннадцати косичек, которые посвящали соответственно одиннадцати мазарам. Жертвенное угощение делали поочередно. Срезали обычно по одной косичке, заворачивали ее в ленту из белой ткани и мазали кровью убитого животного.

Девочкам чаще всего косичку не оставляли, а вместо этого давали имя Назри, Назригуль. В дальнейшем мальчиков стригли (потом начинали брить) регулярно, а девочкам с трех-четырёх лет начинали отпускать волосы, первоначально оставляя лишь пряди по бокам. Наилучшим считалось отпускать волосы лет с семи (см. рис. 2).

Одежда пополнялась по мере того, как изнашивается. Отдельные нарядные предметы костюма приобретались к традиционным праздникам. Что касается семейных праздников, то после года в честь девочек до самой свадьбы никаких празднеств не устраивалось. Однако в центральных районах Таджикистана среди бухарских таджиков и на севере – в долине Зеравшана среди пенджикентских таджиков, а также в Узбекистане (Бухара, Самарканд) в конце XIX в., когда девочке исполнялось 12 лет, на нее впервые надевали старинный халат – *мунисак*, *калтача*⁴. Так торжественно отмечался первый *муджар* – летосчисление по 12-летнему циклу животных. Этот обряд знаменовал переход девочки в следующий возрастной класс – класс девушек, после чего она могла выйти замуж. Изредка его отмечают и сегодня, но надевают теперь не халат, а белое платье на кокетке⁵.

Мальчикам в этом возрасте устраивалось торжество в связи с обрядом обрезания – самое большое пиршество в их честь. Во время обряда мальчикам впервые поверх тюбетейки повязывали чалму, вставляя в ее складки цветы; иногда чалму заменяли поясным платком (после обрезания у мальчика появлялась собственная чалма). На него, кроме того, надевали новые нарядные одежды: в северных районах с ножом в ножнах на пояском платке, в Худжанде мальчику, как и жениху, шили специальный полушелковый халат из зеленой и красной ткани *зангор*, который подпоясывался розовым платком, и дарили ему новые одежды. Согласно исследованиям Г.П. Снесарева, обряд обрезания следует рассматривать как пережиток ритуала возрастной инициации, который является актом свидетельства зрелости мальчика; он должен был показать готовность мальчика к положению взрослого юноши⁶. Набожные старики и представители духовенства полагали, что обрезание и надевание на мальчика чалмы означает приобщение его к исламу. Считалось, что только после обрезания «руки его становились ритуально чистыми» и он получал право читать молитву (намаз).

Обрядом обрезания завершалась фаза детства. До этого ребенок находился в сфере социально-культурного воздействия взрослых, которые помимо воспитательных приемов, направленных на его социализацию и овладение этническими традициями, использовали также различные магические средства, которые должны были уберечь ребенка от влияния злых сил (рис. 3)⁷. И детской одежде отводилась в этом исключительная роль. Ее конструктивные и семантические особенности не только маркировали отдельные этапы первого периода жизни ребенка, но и имели, по представлениям таджиков, важнейшие охранительные и благопожелательные функции, во многом определяющие его дальнейшую судьбу⁸.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: Троицкая А.Л. Первые сорок дней ребенка (чилла) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда. Ташкент, 1927; Она же. Рождение и первые годы жизни у таджиков долины Зеравшана (по материалам среднеазиатской экспедиции АН СССР в 1926–27 гг.) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1935. № 6. С. 116, 352; Сухарева О.А. Мать и ребенок у таджиков. Иран. Т. 3. Л., 1929; Лобачева Н.П. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975. С. 71–74.

² Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 320–321.

³ Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973. С. 261–262; Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 271.

⁴ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана // Сб. МАЭ. Вып. XXXIV. Л., 1978. С. 136.

⁵ Шовалиева М. Современный обряд «мулджар» у таджиков Бухары и ирани Кагана // Актуальные вопросы гуманитарных наук на современном этапе (философия, история, право). Душанбе, 1987. С. 130–135.

⁶ Снесарев Г.П. Указ. соч. С. 96–100.

⁷ Об этом подробнее см.: Рахимов Р.Р. Дети: путь просветления (К проблеме традиционной этно-педагогике таджиков) // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 196–200.

⁸ О таджикской одежде см.: Широкова З.А. Таджикский костюм конца XIX–XX вв. Душанбе, 1993.

Z.A. Sh i r o k o v a . Tajik Clothing for Children and Related Rituals

Tajik dress-making for children and children dress are analysed on the basis of fieldwork data. During the first forty days of a child's life, both in the northern and southern Tajikistan a dress functions as a lucky charm, the choice of a cloth, dress-making technique, and ornaments becomes important. The dress-making is accompanied by special rituals. The first child's shirt, trousers, robes, and head gear (*tyubeteika*) are described. Amulets are given special attention. Besides, some rituals and customs related to children's haircutting are interpreted.

© 2002 г., ЭО, № 4

С.И. Рыжакова

МАНИПУРИ

(ОБ ОДНОМ ТАНЦЕВАЛЬНОМ СТИЛЕ ИНДИИ)

Горные районы Северо-Восточной Индии – штаты Аруначал Прадеш, Ассам, Нагаленд, Мегхалайя, Манипур, Мизорам и Трипура – значительно выделяются на общем культурном фоне страны. Это особая физико-географическая, историческая и культурная область Южной Азии, соединенная с основной территорией Индии только узким перешейком штата Западная Бенгалия. В остальных местах указанные штаты граничат с другими государствами: Бангладеш на юго-западе, Мьянма (Бирма) на юго-востоке, Бутан и Китай (Тибет) на севере и западе. Пограничное положение северо-восточных территорий Индии, ее «восточных ворот», предопределило и местный этнический состав, и лингвистическую, и культурную картину в целом¹.

Это один из самых малодоступных и плохо исследованных районов Южной Азии. Полной и обобщающей истории северо-восточных штатов Индии еще не написано, в этнической истории и культуре населяющих их народов многое неизвестно.

Манипур располагается в долинах общей площадью около 650 кв. км между горными поясами, которые отделяют его от Мьянмы (Бирмы) с востока и Ассама с запада. Долина р. Манипур (Импхал), часть бассейна Иравади, – ядро древних государственных образований и основная территория проживания населения штата². Пограничное географическое положение Манипура определило его историко-культурную характеристику как область «между Индией и Бирмой». В культуре народов Манипура сочетаются индийские и бирманские элементы, но при этом в целом в данном штате сложился особый культурный облик. Своеобразные «визитные карточки»

В сборник включены статьи, посвященные различным сторонам этнографии таджиков и других народов Таджикистана, а также населения некоторых других областей Средней Азии. Статьи сборника освещают преимущественно вопросы жилища, семейных обрядов (свадьба, рождение, похороны), календаря, народных верований и представлений, приложен список научных работ старейшего этнографа Таджикистана А.К.Писарчик.

Работа рассчитана на этнографов, историков и всех тех, кто интересуется традиционным бытом и культурой таджиков и других народов Средней Азии.

Рецензенты: докт. филол. наук Р.А.Мононов, канд. ист. наук В.А.Ранов.

Э 0508000000 - 082 40 - 85

М 502 - 85

© Издательство "Дониш", 1985 г.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Ответственный редактор
Борис Анатольевич ЛИТВИНСКИЙ

Редактор издательства И.А.Медведева
Технический редактор В.Н.Шемелинина
Художественный редактор Р.Абдуразаков
Корректоры Т.А.Рохман, Э.М.Абасьева

ИБ № 845

Сдано в набор 28.12.1984 г. Подписано в печать 08.10.1985 г. КЛ 04313.
Формат 70 x 100¹/16. Бумага тип. № 2. Офсетная печать. Усл.печ.л. 14,5.
Усл.краск.-отт. 14,7. Уч.-изд.л. 16,5. Тираж 775. Заказ 782. Цена 2руб. 50коп.
Издательство и типография "Дониш", 734029, Душанбе, ул.Айни, 121, корп.2

16. Турсунов Н.О. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана. Душанбе, 1974, с.103-106.
17. Перлина М.Д. Доски-штампы ремесленников Узбекистана - Вестник каракалпакского филиала АН Узбекской ССР №3 (61) 1975. Нукус. с.74-81.
18. Бирюкова Н. Западно-европейские набивные ткани XV1-XVШ века. М., 1973, с.11.
19. Соболев Н.Н. Набойка в России. М., 1912, с.5.
20. Сухарева О.А. Позднефеодальный город..., с.80-82.
21. Небольсин Б.И. Очерки торговли России, с.279.
22. Музей института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР, КП - 409 -199; 409-44; 409-198. В ГМЭ, под коллекционным №22535, подклад на халате сделан из набойки с черным фоном, по которому красным цветом набиты миндагевидные фигурки.
23. ГМЭ №21696.
24. Несколько образцов таких набоек есть в музее Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР, в ГМЭ и МАЭ.
25. ГМЭ, №21693.
26. Сухарева О.А. Позднефеодальный город..., с.86.
27. Сухарева О.А. Народное декоративное искусство..., с.49.
28. Скатерть (дастархан) в Средней Азии, как известно, расстилается на полу; особенно нарядными делались скатерти к свадьбам и другим семейным торжествам. Узоры составлялись с большим вкусом и прекрасным чувством композиции. Многие штампы - это буквально шедевры, которые по своим художественным достоинствам могут быть приравнены к лучшим образцам резьбы по дереву, ганчу, камню.
29. В коллекциях музея Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР, в коллекции штампов, хранящихся в Музее изобразительных искусств Узбекистана (Ташкент) и др.
30. Соболев Н.Н. Набойка в России. М., 1912.
31. Небольсин Б.И. Очерк торговли России... с.279-280.

3. А. ШИРОВА

МУЖСКИЕ ТЮБЕТЕЙКИ КУЛЯБА

Ношение головного убора для мужчины-таджика до недавнего времени являлось совершенно обязательным. С открытой головой мужчины никогда не ходили, садиться за еду без головного убора тоже считалось большим грехом.

Наиболее распространенными в летний период были различного рода шапочки, тюбетейка, называемая "т о қ й", и легкая тюбетейка, которая сохранялась только у стариков (а р а қ ч и н). В одной тюбетейке на улице, даже в летнее время, ходили только молодые, мужчины же средних лет и пожилые ходили в ней обычно дома, при выходе из дома или в зимний период поверх тюбетейки или арачина повязывали чалму (салла), мужчины помоложе - поясной платок (р ў м о л).

И сейчас, при переходе на новые формы одежды, тюбетейки не только не исчезли из быта, но приобрели необыкновенную популярность. Ее носят все - и молодые и пожилые. Лишь в костюме стариков до сих пор сохраняется и чалма, мужчины помоложе в холодную погоду поверх тюбетейки по-прежнему иногда повязывают поясной платок.

Тюбетейки в Кулябе, как и в других южных и юго-восточных районах горного Таджикистана, шьют женщины и, вероятно, сравнительно давно. И там уже выработался свой стиль мужских тюбетеек¹. Местные тюбетейки на юге шьют следующим образом: выкраивают круглый лоскуток материи (т о р а),

образующий тулью тюбетейки, и продольный косой лоскут, образующий околыш (г и р д а) (рис. 1)². При раскрое материю измеряют пальцами рук — четвертью (начиная от мизинца до большого) при расставленных пальцах. Диаметр круга для тульи обычной тюбетейки взрослого мужчины делают в одну четверть³. Если голова небольшая, то тулью делают в четверть, до среднего сустава большого пальца; если же голова очень большая, размер тульи делают в одну четверть и еще один сустав большого пальца. Радиус (от центра тульи до края) должен быть равен не очень широко расставленным четырем пальцам, или же длине указательного пальца до третьей косточки. Длину околыша для тюбетейки взрослого делают в две четверти и четыре сжатых или расставленных пальца. Под каждую выкроенную часть подготавливают подкладку, а между ними прокладывают в несколько слоев материю, теперь еще и бумагу. Все это прострачивали раньше на руках, сейчас — на машине, строчками, идущими на тулье от краев к центру, затем перекрещивающимися на макушке тульи строчками. Четыре строчки перекрещиваются так, что образуют 8 секторов, каждый из которых, в свою очередь, застрачивается вписанными один в другой, уменьшающимися треугольниками. На околыше строчки проходят вдоль параллельными рядами. Расстояние между строчками составляет 5–3 см. После этого в образовавшиеся строчки вставляют скрученные жгутики (п и л т а), раньше, до революции, — чаще всего из ваты, сейчас — обычно из полосок бумаги⁴. Для этого на спицу накручивают вату или полоски бумаги, после чего спицу продевают между строчками до определенного места. Придерживая бумагу или вату в нужном месте, спицу вытаскивают (рис. 2–3). Если продевали вату, то подкладку иногда крахмалили. Раньше бумагу между верхом и подкладкой почти не прокладывали, и тюбетейки получались куполообразной формы. Тулья и околыш сшивались, околыш весьма плавно переходил к тулье, но никогда не находил на нее. В некоторых районах Куляба (Муминабад), где проживает много таджиков из Дарваза, в тюбетейки вставляют сильно скрученные жгутики из бумаги. Расстояние между строчками бывает по 5 см. Околыш кроют очень высоким, и он в виде валика заворачивается на тулью, отчего тулья получается не куполообразной формы, а слегка конусообразной с несколько приподнятой макушечкой (и у л). Этот вид тюбетейки был распространен лет 20 назад и в Дарвазе. В последние годы в Кулябе тюбетейки стали делать почти плоскими — между верхом и подкладкой прокладывают ткань, плотную бумагу (если подкладывается газета, то ее складывают в 5–6 слоев), жгутики же из бумаги делают довольно тоненькими, расстояние между строчками бывает уже, по 3 см, околыш заходит сверху на тулью.

Мужские круглые тюбетейки часто шьют из шелка и разноцветного бархата, без вышивки. Изделия из бархата, из одноцветной бумажной материи белого, черного (темного) и красного цветов иногда украшают вышивкой.

А.К.Писарчик относительно тюбетейки Куляба в 1948 г. писала, что и несколько десятилетий назад вышитые тюбетейки делались там сравнительно редко⁵, то же самое подтверждают и наши материалы. Теперь в Кулябе вышивают почти во всех населенных пунктах, причем некоторые искусные мастерицы делают изделия необыкновенно красочными.

Вышивают тюбетейки по-разному. Наиболее распространенный способ следующий: на раскроенные тулью и околыш с лицевой стороны карандашом или чернилами наносят узор и по нему вышивают разноцветным шелком, гладью, прикреп (г у л д у з и)⁶ (см. рис. 1). После этого прострачивают тулью и околыш машинными строчками и вставляют скрученные жгутики. В 40–е гг. вышивали тюбетейки, не зашивая всего фона, и он (черный, коричневый, белый) в некоторой степени дополнял вышивку (рис. 4). В Кулябе и Дашти-Джуме в эти же годы появились тюбетейки со сплошной вышивкой фона (рис. 5). Сейчас тюбетейки со сплошь зашитыми противоположными секторами в Кулябе являются преобладающими, только их стали делать с еще более плоской тульей и высоким околышем (рис. 6). Тюбетейки Муми-

набада, как и в Дарвазе, вышивают с узором на тулье в виде четырех, не связанных друг с другом элементов, причем вышивают на цветных тканях, для молодежи — чаще всего на красных (рис. 7). На бархатных тюбетейках вышивку всех четырех элементов делают отдельно на простом материале, затем нашивают их, как аппликацию, и прострачивают строчками, идущими от краев к центру⁸. В Ховалинге узор заполняет все изделие, но весь фон не зашивается (рис. 8). В Туткауле тюбетейки встречались двух типов: кулябские, почти со сплошь зашитыми противоположными секторами, и гиссарские, где наносили узор из четырех совершенно одинаковых деталей, пространство между которыми оставалось незаполненным.

В Кулябе, помимо описанных, изредка встречались еще тюбетейки несколько другого типа. Они были заимствованы у местных лакайцев и назывались *тоқи и рӯи пилта*, или *тоқи и узбақдӯзӣ* (узбекские тюбетейки). Они отличались от предыдущих по характеру и технике вышивки (рис. 9). Сначала их кроили и прострачивали на машине, между строчками вставляли скрученные жгутики, свернутые из ваты или бумаги, и уже поверх образовавшихся ребер, без нанесения рисунка, вышивали петельным швом или гладью, положенной поперек каждого ребра⁹. Вышивка на этих тюбетейках, в отличие от предыдущих, своеобразна. В узорах преобладают прямые линии и некоторая угловатость, они строятся геометризованно, и им не свойственны округлые линии.

Кроме того, в Кулябе и районах Туткаула встречались тюбетейки (*тоқи и тӯрдӯзӣ*), выполненные широкими стежками, положенными поперек нескольких ребер, которые образуют на тулье на пересекающихся четырех основных машинных строчках восьмиконечную звезду с остроконечными лучами, не доходящими до концов тульи, причем стежки обычно чередуются по цвету. Другой узор был очень похож на изображение человечков (рис. 10). В старину такие тюбетейки были более распространены, в последние годы так стали вышивать преимущественно детские.

По краю тюбетейки обшивали тесьмой (*шероза*). Раньше это была узкая тесьма с мелкими узорами, вытканная на земляном подвижном станочке (*заминаки*) и в готовой виде пришиваемая к тюбетейке, иногда тесьма пришивалась к тюбетейке в процессе изготовления. Причем нити основы переплетались на пальцах помощниц, а мастерица пришивала их иглой к ткани тюбетейки¹⁰. Примерно в начале 30-х гг. появляется тесьма, представляющая собой узкие полоски ткани, покрытые сплошной тамбурной вышивкой, выполненной крючком. Мастерица протыкает ткань крючком с лицевой стороны, прихватывает нить нужного цвета, которую она держит с изнанки и проводит ее на лицевую сторону. Так сплошь заполняется вся лицевая сторона тесьмы. Узор на них вышивается по счету тамбурных петель и рядов, на память или по имеющимся образцам. Эти образцы сохраняются нашитыми на кусок ткани, который с течением времени превращается в настоящий альбом узоров¹¹.

Наиболее простым композиционным приемом, применявшимся при изготовлении тесьмы, является выделение центрального поля, окаймленного узкими пестрыми и темными полосками по краям. В центральном поле на однотонном фоне повторялись один или два чередующихся мотива, выполненных иногда разным цветом. Длина тесьмы отмеряется по окружности головы, ширина ее бывает различной. Раньше ее делали сравнительно узкой — 1,5 — 2 см, вышивали одинарной ниткой крученого шелка местной выделки, причем с обеих сторон была окантовка в 3—4 ряда, а центральное поле составлял 5—7 рядов. В последние годы в Муминабаде и особенно в кишлаке Шахрак (Румдара), где проживает много дарвазцев, вошло в обычай каждый ряд вышивать несколькими нитями крученого шелка, отчего ряды получаются крупнее, а сама тесьма — значительно шире. Увеличилось и число рядов центрального поля (13—15). Таким образом, тесьма стала 3,5—4 см шириной и заполнила значительную часть околыша, что сделало узор более крупным и четким. Усложнился и орнамент, наряду с геометрическими формами иногда включаются в узор и элементы растительного характера¹².

Другим видом традиционной тюбетейки является легкая старинная тюбетейка (а р а қ ч и н), которую до сих пор изредка носят старики. А р а қ ч и н — буквально "собиратель пота" (арак — пот, чин (чинадан) — собирать), его нередко надевают под чалму или выходную тюбетейку для предохранения их от загрязнения и пота (рис. 11). В жаркое время года аракчин в домашней обстановке выполняет роль самостоятельного головного убора. Он имеет круглый верх (т о р а) и косой околыш (г и р д а), который иногда обшивают белыми фестонами (п а р — п а р, д а н д о н а, к у н г у р а, б и б и я к)¹³. Тесьмой, за редким исключением, аракчин не обшивают. Снизу имеется подкладка, вату почти не прокладывают. Иногда между подкладкой и верхом шапочки проложен слой бумаги или дополнительная ткань, и все это вместе прострачивают на машине стежками, идущими concentрическими кругами, что придает аракчину большую мягкость. Сейчас бумаги прокладывают больше, и аракчин получается более твердым. Узор на аракчинах несколько проще, чем на тюбетейках. Обычно это отдельные, не связанные элементы, вышитые на тулье и околыше по цветному фону. Узор на тулье и околыше состоит из одних и тех же элементов. Иногда на тулью и околыш нашивают круглые и треугольные лоскутки, вырезанные из разноцветных кусочков ткани, называемые қ у р о қ. Часто шапочки шьют просто из цветастого сатина и ситца.

В последние годы в качестве национального головного убора широко распространились тюбетейки (т ў п п й), с квадратной тульей и четко обозначенными четырьмя ребрами, равнинного, уратюбинско-ходжентского и чустского типов (рис. 12). Первоначально (в 40-х гг.) распространились сплошь зашитые разноцветным шелком тюбетейки (ч а м а н д а г у л), бытовавшие в это же время в Ура-Тюбе. Затем прочно вошли в быт тюбетейки черного и темно-зеленого цвета с узором, вышитым на тулье белым шелком, изображающим миндаль (б о д о м) или стручки красного перца (қ а л а м ф у р), и рядом арочек вдоль околыша, бытующих на севере Таджикистана. Называются они здесь т о қ и и ч у с т й или т о қ и и ф а р г о н а г й, изредка — т ў п п й. Сейчас они в большом ассортименте имеются в местных магазинах. Хотя круглые тюбетейки, сплошь вышитые, по-прежнему модны среди молодежи, их обязательно дарит сторона невесты жениху, все мужчины — молодые и пожилые — носят также темные тюбетейки с квадратной тульей.

Таким образом, местные круглые т о қ й и легкие а р а қ ч и н сохраняются в быту до сих пор. Их шьют из шелка, бархата и различных модных сейчас тканей. Хлопчатобумажные тюбетейки делают вышитыми. Вышивка, как и сама тюбетейка, имеет свою историю. Первоначально зашивали узорами часть шапочки. Сплошь вышитые получили распространение после революции, когда тюбетейка утвердилась в качестве самостоятельного головного убора. Модные сейчас вышитые тюбетейки с круглой, почти плоской, тульей и высоким околышем многие молодые люди носят не только в самом Кулябе, но и в столице республики — городе Душанбе. В то же время прочно вошли в быт строгие черные тюбетейки с белым узором и квадратной тульей, равнинного типа.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. О тюбетейках Каратегина и Дарваза см.: Русыйкина С.П. Народная одежда таджиков Гармской области; Среднеазиатский этнографический сборник., П. — Тр. ИЭАН СССР. нов. сер. 1959, т.47, с.168-170; Широкова З.А. Одежда. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970, т. 2, с.132-135.

2. фото 2. и 3 выполнены З.Широковой, остальные — фотографом Р.Юсуповым.

3. Как известно, Таджикистан по некоторым чертам культуры и быта населения можно разделить на две части, на два региона — южный и северный, гра-

ница проходила примерно по Гиссарскому хребту; так, на юге делали тюбетейки с круглой тульей, на севере в сороковые годы — почти с квадратной.

4. С.П.Русаякина относительно тюбетеек Каратегина отмечала, что раньше в XIX в., жгутики (пилта) вообще не продевали, тогда шили мягкими. См.: Русаякина С.П. Указ. соч., с.169.

5. Писарчик А.К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. — Изв. ТФАН СССР, №15, Сталинабад, 1949, с.91.

6. См.: Широкова З.А. Указ. соч., с.118.

7. В Гиссаре, как и в Муминабаде, узор на тулье делают также в виде четырех, не связанных друг с другом элементов; в Каратаге, как и в Кулябе, зашивается вся тулья.

8. В Дарвазе, если вышивалась бархатная тюбетейка, то рисунок наносили на ее левую сторону карандашом, затем делалась наметка по рисунку белыми или черными нитками, предварительно ворс бархата с лицевой стороны на месте вышивки срезался (см.: Широкова З.А. Указ. соч., с.132).

9. Такие же тюбетейки зафиксированы в Гиссаре, там, где живут таджики рядом с узбеками — дурменами (кишлак Шуриен, с/с Эсамбай). Там наряду с таджикскими тюбетейками вышивают и узбекские. В отличие от узбекских, таджикские тюбетейки называют то қ и г ў л д ў з й (вышитые тюбетейки) или то қ и қ а л а м д ў з й (вышитые по нарисованному), потому что в кишлаке Шуриен на узбекских шапочках узор не рисовался. Узбекские тюбетейки, называемые то қ и к о д и е н й или то қ и к о б о д и е н й (кабадианские тюбетейки), вышивают таджики, арабы Шаартуза и Кабадиана. Называют их там т ў п и қ а л п о қ й. В кишлаке Сина (гиссарская долина, Денауский район) таким же швом вышивались тюбетейки, называемые то қ и р ў и п и л т а. Сначала их кроили, потом прострачивали на швейной машине, затем вставляли жгутики (п и л т а), поверх образовавшихся ребер наносили контур узора и вышивали.

Такие же тюбетейки бытовали и в Туркмении у эрсаринцев южных районов Амударьи (См.: Винников Я.Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969, с.184, рис. 25), а также во многих районах Самаркандской области: в Челекском, Лошском и других; в городе Карши и его окрестностях; в селении Байсун Сурхан-Дарьинской области и других местах. См.: Сухарева О.А. Тюбетейки. — В кн.: Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Ташкент, 1954, с.156-157.

10. См. полевую опись экспонатов, приобретенных в 1948 г. Кулябской этнографической экспедицией в Кулябе, Муминабаде и Ховалинге. КП №9, (9-9).

11. В отличие от равнинных центров, в горном Таджикистане тесьма вышивается без палец, за исключением Каратага, где женщины при вышивке пользуются прямоугольными пальцами.

12. Ср. с тесемками для тюбетеек в кишлаках Егид (Дарваз) и Нушор (Таджикабадский район): Широкова З.А. Указ. соч., с.135-137.

13. В Гиссарской долине (кишлак Сина) тулья аракина делается, как и в тюбетейке, диаметром в одну четверть, затем тулью складывают в 8 раз, одну восьмую часть складывают пополам и ее половину срезают по радиусу. В кишлаке Арши (Каратаг) при шитье аракина как для взрослого, так и для детей треугольник не вырезается, а загибается небольшая часть тульи по радиусу и прошивается.

Н. Н. ЕРШОВ

ПОХОРОНЫ И ПОМИНКИ У ТАДЖИКОВ ИСФАРЫ

О похоронных обрядах и связанных с похоронами обычаях таджиков Средней Азии существует большая литература. Одной из последних работ, посвящен-

Иллюстрации к статье З. А. Широковой «Мужские тюбетейки Куляба»

Рис. 1. Тюбетейка в раскрое. Куляб, КП 43—73

Рис. 2. Жительница кишлака Тут-
каул Ниезби Наджимова наматыва-
ет на спицу жгутик (пилта) для
того, чтобы вставить его в стежку
тюбетейки

Рис. 3. Ниезби Наджимова продвигает жгутики (пилта)
в стежку тк бейки

Рис. 4. Тюбетейки Куляба, 1948—1949 гг. КП 9—94; 13—79 (сверху) и 9—93; 13—39 (снизу)

Рис. 5. Тюбетейки, сплошь вышитые. Куляб, 1948, КП 9—21; 9—5

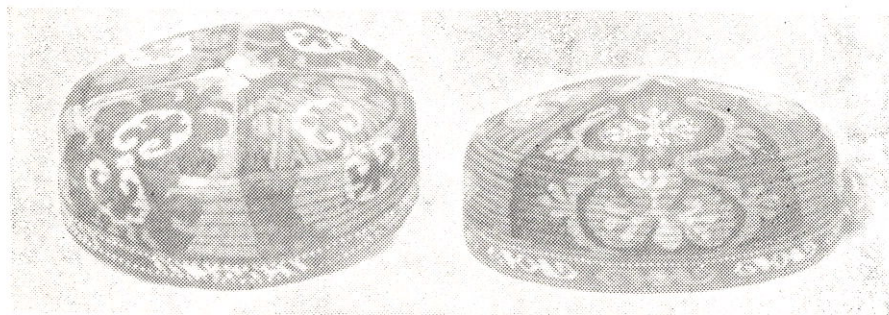

Рис. 6. Тюбетейки, сплошь вышитые, современные, Куляб. КП 388—4; 689—22

Рис. 7. Тюбетейка бархатная, современная. Муминабад. КП 689—26

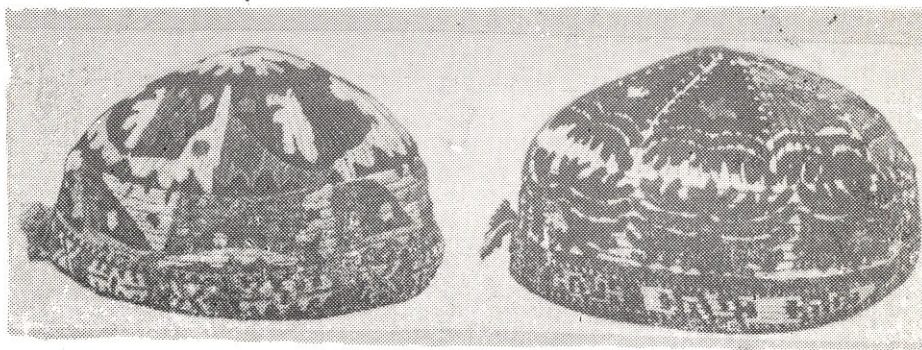

Рис. 8. Тюбетейка 40-х гг. Ховалинг (Куляб). КП 9—180; 9—91

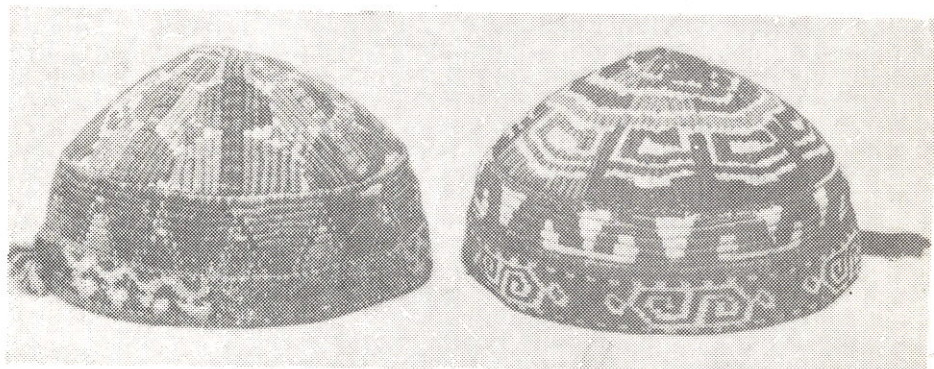

Рис. 9. Тюбетейки, вышитые поверх вставленных бороздок (пилта). 40-е гг. Ховалинг—Бальджуан. КП 9—291; 9—321

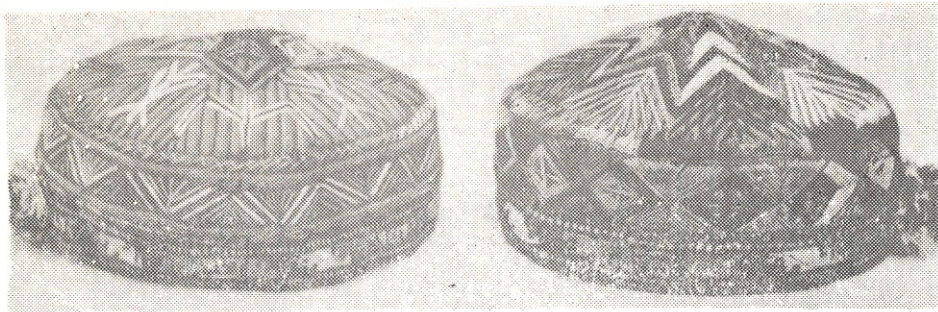

Рис. 10. Тюбетейки, вышитые стежками токии тўрдўзи. Узор гиссарский. 60-е гг. Туткаул (Куляб). КП 567—60; 567-42

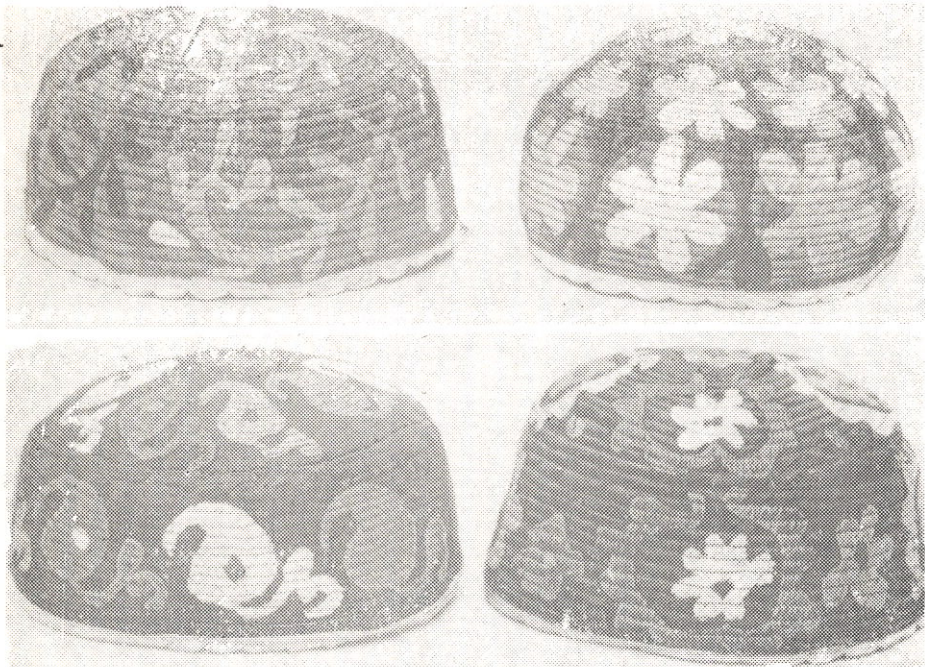

Рис. 11. Легкие тюбетейки (а р а қ ч и н) Куляб, 1948 г. КП 9—15; 9—17 (сверху) и 9—16; 9—6 (снизу)

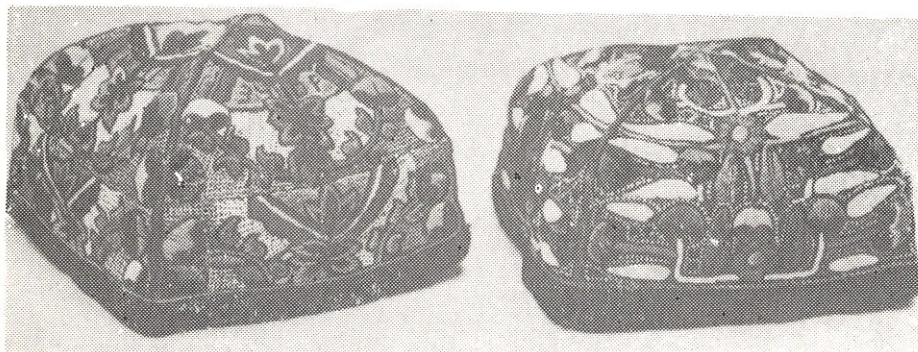

Рис. 12. Тюбетейки ура-тюбинские, бытовавшие в Кулябе в 40-х гг. КП 13—104; 13—105